

МегаМегафон

Её **ЗЕК**

18+

ОН НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ЕЁ ЛЮБИТЬ.
НО СЕРДЦЕ **НЕ ЗНАЕТ ЗАКОНОВ.**

МегаМегафон

Её Зек

«Автор»

2026

МегаМегафон

Её Зек / МегаМегафон — «Автор», 2026

Она — дочь олигарха. Он — зек, который только что вышел из тюрьмы. Их встреча случайна. Их ночь — договор. Но когда утром он уходит, она понимает: он забрал с собой не только её невинность, но и что-то большее. Свадьба с другим уже через неделю. Но за столом жениха сидит он — сводный брат, которого все скрывали. Враг её брата по тюрьме. Они враги. Они чужие. Но под столом его рука уже скользит по её ноге. Она должна выйти замуж за одного. Но принадлежать будет только ему. Она не хотела его. Она не могла его забыть. Он не обещал остаться. Но он не ушёл.

© МегаМегафон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

МегаМегафон Её Зек

Её зек

Глава 1

Ворота лязгнули. Свобода ударила в нос запахом бензина и пыли.

Тамерлан вышел, щурясь. Три года. Три чёртовых года он не видел неба без колючей проволоки. Кожа стала бледной, мышцы — стальными, взгляд — тяжёлым. На шее — татуировка: волк, рвущий цепи.

На парковке — чёрный «Гелендваген». Отец не подкачал. Тамерлан усмехнулся — криво, по-звериному — и кинул тюремный мешок в багажник. Водитель выскочил как ошпаренный:

— Тимурович, вас доставить?

— Свободен, — махнул он рукой. — Сам.

Двигатель взревел. Тамерлан вдавил педаль в пол. Три года — ни газа, ни скорости, ни женского тела. Последнее — самое болезненное. Он свернул на трассу. Решил: бордель. Просто разрядиться.

И тут он увидел её.

Она стояла у столба. Льняное платье до колен, светлые волосы, большие серые глаза. Ноги — стройные, как у газели. Тамерлан затормозил так резко, что покрышки взвизгнули. Опустил стекло.

— Эй, красавица! Залезай!

Она обернулась. Посмотрела на него как на пыль под ногами.

— Спасибо. Я подожду маршрутку.

— Чего ломаешься? — ухмыльнулся он. — Я заплачу. Хорошо заплачу.

Она шагнула ближе. Сложила руки на груди. Серые глаза сверкнули сталью.

— Деньги у меня у самой есть. Много. Так что не надо меня покупать.

Тамерлан присвистнул. Вышел из машины. Подошёл вплотную. Она не отступила. Смотрела с вызовом — и он почувствовал, как кровь приливает к паху.

— Слушай, — сказал низко, почти рыча. — Я только что из тюрьмы. Три года не видел баб. Вообще. Ехал в бордель, чтобы просто разрядиться. А ты стоишь — вся такая... И я понимаю: от тебя у меня встаёт, а от борделя — нет.

Она усмехнулась, но в глазах мелькнул интерес:

— А если я скажу, что девственница?

— Ты шутишь? — он провёл рукой по лысой голове. — Ты хочешь, чтобы я умер прямо здесь? Я три года никого не трахал!

— Значит, будешь первым, — сказала она спокойно.

— Злая, — улыбнулся он. — Мне нравится. Слушай, я тебе честно скажу: я не маньяк. Я просто голодный. Давай договоримся: я трахаю тебя, ты получаешь удовольствие, и мы расходимся. Как бизнес-ланч.

— Не так просто. Вот условие: меня насильно выдают замуж. Ты притворяешься моим парнем — и я твоя на всю ночь.

— О, — он расплылся в кривой улыбке. — Опасная. Мне нравится. Договорились.

И он не стал ждать. Схватил её за талию, притянул к себе. Грубо. Властно. Прижал к джипу.

— Только учти: если ты меня кинешь, я скажу папе, и тебя вернут обратно в тюрьму. На долгий срок.

Он засмеялся громко, на всю трассу.

— Милая, я там три года выживал с тремя урками в камере. Твой папашка — просто сладкий пирожок по сравнению с ними. А теперь — иди сюда.

Он притянул её за талию. Грубо. Властно. И прошептал в ухо:

— Ты даже не представляешь, что я сделаю с тобой в этой машине. Я буду лизать тебя так, что ты забудешь, как дышать. Я войду в тебя, и ты поймёшь, почему зеки — лучшие любовники. У меня три года было на то, чтобы фантазировать.

Она не сопротивлялась. Наоборот — вцепилась в его футболку.

— Целуй, зек.

Он впился в её губы — жёстко, голодно. Язык ворвался в рот, исследуя. Она застонала. Пальцы запутались в его футболке.

— Господи, — выдохнул он, отрываясь. — Я сейчас кончу просто от твоего запаха. Иди сюда.

Он затащил её на заднее сиденье.

Дверь захлопнулась. Тонированные стёкла скрыли их от мира.

Она уже расстёгивала его ремень. Пальцы дрожали, но двигались уверенно. Он сорвал с неё платье в один рывок — ткань затрещала.

— Моё любимое, — прошептала она с улыбкой.

— Куплю десять, — хрипло ответил он, наваливаясь.

Он провёл рукой по её телу — от груди до самого низа. Она выгнулась.

— Чувствуешь? — прошептал он в шею, покусывая кожу. — Как хочу тебя? У меня стоит так, что больно.

— Тогда входи, — выдохнула она.

Он скользнул пальцами между её ног. И замер.

— Твою мать! — выдохнул он. — Ты серьёзно? Никогда? Я думал ты шутишь.

— Серьёзно. Ты первый.

— Я не смогу остановиться! — заорал он. — Я же порву тебя! Три года! Я зек, а не принц!

— Не надо останавливаться, — сказала она, обхватывая его бёдра ногами. — Продолжай.

Он вошёл. Медленно, с усилием. Она закричала — громко, остро. Ногти впились в его плечи. Тамерлан замер, чувствуя, как она сжимает его.

— Блядь, — прошептал он. — Какая узкая. Я сейчас умру.

— Двигайся! — приказала сквозь зубы.

— Боюсь сделать больно, — сказал он, и в голосе впервые за три года появилась нежность.

— Плевать, главное условия — прошептала она.

И он начал двигаться. Сначала медленно, затем быстрее. Машина раскачивалась. Стёкла запотели. Его бёдра вбивались в неё, она стонала громко, впиваясь ногтями в его спину.

— Ты вся моя, — рычал он в её губы. — Будешь снится каждую ночь. Ты — мой наркотик.

— Я знаю, — выдохнула она. — Только не останавливайся.

Он кончил с хриплым стоном, чувствуя, как она содрогается под ним, сжимает, пульсирует.

Они лежали в тишине. Она гладила его лысую голову. Он целовал её плечи.

— А ты сильная, — сказал он. — Выдержала зека.

— Это не последний раз, — усмехнулась она.

— Надеюсь, — он поднял голову, посмотрел в её глаза. — Имя скажи.

— Мирослава, — ответила она.

Он присвистнул:

— Ого. Сказочное. Для такой стервы — слишком нежное.

— Заткнись и поехали к отцу, — она толкнула его в плечо.

— Может, ещё раз? — ухмыльнулся он.

— Потом. Работа.

Они подъехали к воротам. Тамерлан присвистнул, увидев особняк.

— Охренеть, — сказал он, выруливая на подъездную аллею. — Ты должна была сказать, что у тебя не просто деньги, а **ОЧЕНЬ МНОГО** денег. Я думал — дочка мелкого бизнесмена, а ты — принцесса?

— Я говорила, — усмехнулась она. — Ты не слушал, зек.

Они вышли. Он оглядел мрамор, фонтаны, колонны. Вздыхнул.

— А я — в драных джинсах и с волком на шее. Ну, папочка будет рад.

— Не дрейфь, — она взяла его за руку. — Ты мой парень. Веди себя нагло.

— Это я умею, — оскалился он.

Они вошли в кабинет.

За столом сидел мужчина. Седой, хищные глаза, идеальный костюм. Рядом — двое в чёрном.

— Папа, — сказала Мирослава. — Это мой парень. Свадьба отменяется. Я только что лежала под ним.

Тишина.

Отец медленно поднялся. Глаза сузились.

— Здравствуйте, папа! — сказал Тамерлан с широкой ухмылкой.

Отец побледнел. Мирослава удивлённо посмотрела на Тамерлана. Он хамит! Но внутри — гордость: он не испугался.

— Я думаю, — продолжал Тамерлан, — что влюбился в вашу дочь с первого раза, то есть взгляда. Она моя. Как там говорят? В радости и в горе... — Он обернулся к Мирославе и шёпотом, но так, чтобы отец слышал, добавил, шлёпнув её по заднице: — И в постели тоже.

— Не переигрывай! — прошипела она, но уголки губ дрогнули.

Отец увидел. Его глаза налились кровью.

— Я надеюсь, у вас **НИЧЕГО НЕ БЫЛО!** — заорал он, ударив кулаком по столу.

Тамерлан ухмыльнулся. Почесал затылок.

— Упс, папочка, — сказал виновато-нагло. — Ты опоздал на пару часов.

— К этой мрази ты убежала из дома? Охрана! — заорал отец. — Вбить её в комнату! Запереть! А этого... вышвырнуть вон!

Двое здоровяков схватили Мирославу. Она рванулась:

— Папа! Не смей!

— Уведите! — рявкнул отец.

Они поволокли её к двери. Тамерлан шагнул было к ней, но двое других встали у него на пути.

— Спокойно, парень, — сказал один, усмехаясь. — Ты не туда попал. Крутой тачкой здесь не удивишь. Если жизнь дорога — вали, пока есть ноги и руки.

Тамерлан видел, как Мирославу тащат вверх по лестнице. Она обернулась на секунду. В её глазах — отчаяние. И мольба.

Он сжал кулаки до хруста.

Но трое уже подхватили его под руки и поволокли к выходу.

— Вали отсюда, — бросили ему в спину. — И забудь дорогу сюда. Иначе пеняй на себя.

Дверь захлопнулась за его спиной.

Тамерлан стоял на мраморном крыльце. Ветер трепал его футболку. Он смотрел на закрытую дверь, а в груди клокотало.

— Мирослава, — прошептал он. — Я вернусь.

Глава 2

Тамерлан стоял у ворот. Смотрел на закрытую дверь особняка.

Он мог просто уехать. Забыть. Поехать в бордель, снять трёх баб и расслабиться. Он же зек — ему привычно брать то, что дают. Но внутри горело. Мало. Ему было мало Мирославы.

Он хотел её снова. Прямо сейчас.

— Чёрт с вами, — прошептал он и направился вдоль забора.

Особняк был огромным. Но Тамерлан три года в тюрьме учился одному — выживать. Забор он перелез бесшумно, как тень. Нашёл водосточную трубу, уходящую на второй этаж. Металл был холодным, но руки помнили: в тюрьме он лазал и похуже.

Он подтянулся. Перехватил карниз. Заглянул в окно.

И замер.

Мирослава сидела на кровати. В майке — белой, тонкой, почти прозрачной. И коротких шортах, открывающих длинные ноги. Волосы влажные, только из душа. Она смотрела в телефон, губы надуты.

— Сука, — выдохнул Тамерлан. — Ну почему она такая секси?

Он постучал в стекло.

Мирослава подняла голову. Увидела его лицо за окном — и чуть не подпрыгнула. Её глаза расширились от удивления и ужаса.

Она бросилась к балкону. Открыла. Затащила его внутрь.

— Ты что здесь делаешь?! — зашипела она. — Как ты вообще залез сюда?! Ты ненормальный?! Ты понимаешь, что с тобой сделают, если застукают?!

Тамерлан улыбнулся — криво, нагло. Стряхнул пыль с футболки.

— Ты же сказала, что всю ночь будешь моей. Я пришёл за своим.

Мирослава смотрела на него. Он стоял — взъерошенный, грязный, с татуировкой волка на шее — и улыбался так, будто только что взял банк. И она не сдержалась.

Она прыгнула на него. Ноги обвили его бедра. Тамерлан подхватил её, прижимая к себе, и прошептал:

— Душ где?

— Там, — кивнула она, впиваясь губами в его шею.

Он занёс её в ванную. Кафель холодный, пар от горячей воды уже наполнял комнату. Стеклокабинка была большой — для двоих.

Тамерлан поставил её на пол. Включил воду. Струи ударили по кафелю, создавая шум. Он рванул с неё майку. Затем — шорты. Ничего не осталось. Она стояла перед ним — мокрая, блестящая, с серыми глазами, в которых горел голод.

— Ты уверена? — спросил он, прижимая её к холодной стене. — Отец может услышать.

— Нас никто не услышит, — выдохнула она. — Вода шумит.

Он опустился перед ней на колени. Вода била по его спине, стекала по лысой голове. Он развёл её ноги и провёл языком — медленно, от колена до самого центра. Она вцепилась в его плечи.

— Тамерлан... — простонала она.

— Тише, — он поднял глаза, мокрые, горячие. — Твой папа внизу. Если он услышит, как ты стонешь, меня закопают. Но я знаю, что ты умеешь быть тихой.

Он снова взял её ртом. Жадно, глубоко, ритмично. Её пальцы запутались в его коротких волосах, она закусила губу до крови, чтобы не кричать. Вода хлестала по телам, смешиваясь с потом.

Она кончила беззвучно — содрогаясь, кусая собственные пальцы.

Тамерлан поднялся. Прижал её к стене, подхватил под бедра.

— Теперь я войду в тебя, — прошептал в губы. — И ты будешь молчать. Сделаешь хоть звук — я остановлюсь.

— Не смей, — выдохнула она.

Он вошёл. Резко, глубоко. Она впиалась ногтями в его спину, закусывая губу до крови. Он двигался — медленно, мучительно, наслаждаясь каждым сантиметром её тела.

— Ты моя, — шептал он в её ухо, покусывая мочку. — Даже если весь дом встанет на уши, ты моя.

Она кончила второй раз с глухим стоном. Он — следом, прижимая её к себе так, что кости хрустнули.

Они стояли под водой, тяжело дыша. Тамерлан выключил душ и поцеловал её в лоб.

— Одевайся, — сказал он. — У нас ещё вся ночь впереди.

Они вышли из душа. Мирослава натянула халат. Тамерлан — джинсы, футболка осталась в ванной. Они стояли у кровати, когда раздался стук.

Три удара. Жёстких, требовательных.

— Мирослава, открой! — голос отца.

Она побледнела. Посмотрела на Тамерлана. Его глаза — спокойные, наглые. Но он быстро оценил комнату.

— Прячься, — прошипела она.

— Куда?

Она указала на письменный стол. Массивный, из красного дерева. Спереди — резная панель, которая скрывала ноги. Если сесть за стол — его не видно.

— Ты серьёзно?

Она посмотрела умоляюще.

Тамерлан нырнул под стол. Сжался в темноте. Едва успел.

Мирослава открыла дверь.

Отец влетел в комнату. Глаза горят.

— Ты что себе позволяешь? — заорал он. — Приводишь какого-то зека в мой дом! Позоришь меня! Ты понимаешь, что ты натворила?!

Мирослава стояла спокойно. Руки сложены на груди.

— Я сделала выбор, папа. И не отступлюсь.

— Глупая! — он шагнул к столу. — Я тебя вырастил, я тебе всё дал! А ты... ты...

Он подошёл ближе. Встал прямо перед столом. Мирослава быстро села за стол, придвинув кресло вплотную. Её ноги оказались рядом с головой Тамерлана.

Он замер. Он чуть раздвинул её бёдра. И он увидел.

Халат раскрылся. Под ним — ничего. Она сидела голая, прикрываясь только тканью. И смотрела на отца с каменным лицом.

А под столом Тамерлан не мог сидеть просто так. Он видел её ноги. Видел влажные бёдра. Видел то, что заставляло его сходить с ума.

Отец что-то говорил. Про свадьбу про позор, про бизнес. Но Тамерлан не слышал ни слова. Он провёл рукой по её колену. Вверх. К внутренней стороне бедра.

Мирослава вздрогнула. Едва заметно. Но не убрала ногу.

Он осмелел. Пальцы скользнули выше. К самому центру. Он почувствовал, что она влажная. Снова. От возбуждения.

Он начал ласкать её. Медленно, круговыми движениями. Прямо под носом у отца.

Мирослава сидела, сцепив зубы. Её лицо было спокойным — идеальная маска. Но внутри всё дрожало. Она чувствовала его пальцы, его дыхание у самого сокровенного места.

— Ты вообще меня слушаешь? — спросил отец.

— Да, папа, — ответила она ровным голосом. — Я всё поняла. Завтра я позвоню. Извинюсь. А сейчас я устала, хочу спать.

Тамерлан под столом усмехнулся. Ускорил пальцы. Она чуть не вскрикнула — но взяла себя в руки.

Отец не заметил. Он говорил ещё минут пять. Про долги, про честь семьи, про то, как он устал. Мирослава кивала. А под столом её тело содрогалось от близости оргазма.

Наконец отец развернулся и вышел. Дверь закрылась.

Тишина.

Мирослава выдохнула так, будто её держали под водой. Откинулась на спинку кресла.

— Вылезай, — сказала она хрипло.

Тамерлан выбрался из-под стола. Его глаза горели.

— Ты... — она не нашла слов.

— А теперь продолжай, — сказала, глядя на него сверху вниз.— Я терпела. Ты обещал мне всю ночь. Выполняй.

Тамерлан усмехнулся — дико, зверино.

Глава 3

Отец ушёл. Тишина в комнате стала густой, тягучей. Мирослава сидела в кресле, и смотрела на Тамерлана сверху вниз. Её глаза горели.

— Ты обещал мне всю ночь, — сказала она. — Выполняй.

Тамерлан усмехнулся, облизнул губы. Поднялся с колен и подхватил её на руки. Она обвила его шею, впиваясь губами в его шею, покусывая кожу.

— На кровать, — прошептала она.

— Нет, — ответил он, усаживая её на край письменного стола. — Сначала здесь.

Он сорвал с неё халат. Она осталась полностью обнажённой перед ним. Свет луны падал на её кожу, делая её фарфоровой. Тамерлан замер на секунду, разглядывая её.

— Ты красивая, — сказал он тихо. — Бесит.

— Тогда трахни меня, — ответила она.

Он вошёл в неё резко, стоя. Она вцепилась в его плечи, запрокинув голову. Стол скрипел под ними. Он двигался жёстко, ритмично, вбивая её в деревянную поверхность.

— Смотри на меня, — приказал он.

Она открыла глаза. В них — вызов, боль, наслаждение.

— Я смотрю, — выдохнула она.

— Запомни это, — прошептал он. — Ты запомнишь меня на всю жизнь.

Она кончила с криком, впиваясь ногтями в его спину. Он — следом, прижимая её к себе.

Потом они переместились на кровать.

— Садись на меня, — сказал он, переворачивая её. — Хочу видеть твои глаза.

Мирослава забралась на него сверху. Села, медленно опускаясь на него. Тамерлан смотрел на неё снизу вверх и не мог отвести взгляда.

Её грудь двигалась в такт её движениям. Мягко, плавно, заворачивающе. Она откинула голову назад, волосы рассыпались по плечам.

— Боже, — простонал он. — Ты даже не представляешь, как это красиво. Я в раю!

— Молчи, — прошептала она, ускоряясь. — Просто смотри.

Он смотрел. На её грудь, на её бёдра, на то место, где они соединялись. Она кончила, сжимая его внутри себя. Он почувствовал, как она пульсирует — и не выдержал.

— Я хочу запомнить этот звук, — прошептал он. — Твой стон. Твой вкус. Запах твоей кожи.

Он вошёл в неё снова, глядя в её серые глаза, разъезжающиеся от удовольствия. Она кусала губы, чтобы не закричать.

Она кончила в третий раз. Он — следом.

Потом — на ковре. Мягкий ворс, приглушённый свет ночника.

Она лежала на спине, он нависал над ней. Медленно, нежно, входя в неё снова и снова.

— Тамерлан, — прошептала она.

— Что?

— Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

— Знаю, — ответил он. — Я тоже.

Он целовал её губы, шею, ключицы. Его руки скользили по её телу, запоминая каждый изгиб.

— Но всё заканчивается, — сказала она грустно.

— Всё, — согласился он. — Кроме этого момента.

Они кончили вместе. Медленно, долго, глядя друг другу в глаза.

За окном начало светлеть. Серый, утренний свет проникал в комнату.

Тамерлан лежал на кровати, Мирослава — у него на груди. Он гладил её волосы. В комнате пахло сексом, потом и чем-то сладким — её духами.

Он посмотрел на часы. Настенные, старые. Без четверти пять.

— Мне пора, — сказал он тихо.

Она не ответила. Только прижалась теснее.

Тамерлан осторожно снял её с себя. Встал. Натянул джинсы. Нашёл футболку в ванной — влажную, но другого выхода не было.

Мирослава сидела на кровати, натянув простыню до подбородка. Её глаза были влажными, но она не плакала. Только смотрела на него — пристально, изучающе.

Он подошёл к балкону. Остановился. Повернулся к ней.

Шагнул назад. Притянул её к себе за затылок. Схватил за волосы, запрокидывая голову.

— Ну что, детка, — сказал он, глядя ей в глаза. — Условия выполнены. Расходимся.

В её глазах мелькнула боль. Но она не отвела взгляда.

— Ты серьёзно? — спросила она.

— А ты хотела ещё? — усмехнулся он криво. — Может, я приду к твоему отцу еще раз и скажу: «Я твой парень, а ты мне за это еще ночь»? Как тебе такой вариант?

Тишина. Густая, как мёд.

Мирослава сглотнула. Затем медленно покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Расходимся. Я обещала отцу. Я выйду замуж.

Тамерлан смотрел в её серые глаза долго. Очень долго. Она не отводила взгляд. Он видел в них сталь — и тоску.

— Замуж, значит, — повторил он. — За богатого. Сытого. Скучного.

— Да, — ответила она. — Это правильно.

Он притянул её к себе ещё раз. Впился в её губы жадным, голодным поцелуем. Она ответила — так же яростно, вцепляясь в его плечи, кусая его губы до крови.

И он оторвался резко. Словно обжёгся.

Отпустил её. Шагнул назад.

— Прощай, Мирослава, — сказал он.

И ушёл через балкон. Не оборачиваясь.

Она смотрела ему в спину, как он перелезает через перила, спускается по трубе. Смотрела, пока он не скрылся в утренней дымке.

Слеза скатилась по щеке. Она стёрла её ладонью.

— Прощай, Тамерлан, — прошептала она в пустоту.

Глава 4

Прошла неделя.

Мирослава сидела в модном кафе в центре города. Рядом — подруги. Лена, Катя, Алиса. Дорогие сумки, идеальный макияж, смех и сплетни. Она пила латте и делала вид, что её что-то занимает. Но внутри всё нило.

Пустота. После той ночи — пустота.

Она не спала нормально. Ей снился его запах, его руки, его голос, когда он шептал её имя. И как он ушёл, не обернувшись.

— Мира, ты чего такая сонная? — спросила Лена, махнув рукой перед глазами.

— Устала, — соврала она, поправляя волосы. — Свадебные хлопоты.

— О, Князев такой милый! — защebetала Катя. — Он тебе бриллиантовое кольцо подарил? Я видела в инсте!

— Да, — кивнула Мирослава без эмоций. — Подарил.

Она смотрела в окно. И вдруг замерла.

Чёрный «Гелендваген». Тот самый. Припарковался у входа. Сердце пропустило удар.

Из машины вышел он.

Тамерлан.

На нём была дорогая чёрная рубашка — расстёгнутая на две пуговицы, открывающая татуировку волка на шее. Брюки сидели идеально. Новые ботинки. На лице — лёгкая щетина. Он выглядел как опасный, красивый хищник, которого выпустили в город.

Мирослава почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Но затем она увидела её.

Девушка.

Высокая, яркая, с рыжими волосами ниже плеч. Она шла рядом с ним, смеялась звонко, запрокидывая голову. Смеялась так, что весь зал услышал. Она лезла к нему под руку, обнимала за талию, прижималась всем телом, как будто он принадлежал ей.

Тамерлан улыбался. Криво, по-звериному. Но улыбался.

Мирослава смотрела, как этот взгляд скользит по залу. Как он осматривает столики. Её сердце колотилось так, что стучало в висках.

Он увидел её.

Его взгляд задержался на ней на секунду. Ни тени узнавания. Пустота. Как на незнакомку. Он отвернулся и что-то сказал своей спутнице. Та засмеялась ещё громче и впиалась в его плечо.

— Мира, ты куда? — удивилась Лена, когда Мирослава резко встала.

— В уборную, — бросила она через плечо.

Она прошла через зал, чувствуя, как его взгляд жжёт спину. Или ей просто казалось.

Она зашла в туалет. Белый мрамор, зеркала, приглушённый свет.

Включила воду. Лебяную. Плеснула в лицо. Смотрела на себя в зеркало: растрёпанная, глаза блестят, на щеках — лихорадочный румянец. Сердце колотилось так, что грудь ходила ходуном.

«Что я делаю? — думала она. — Он не узнал меня. Или делает вид. Ему всё равно. У него новая...»

Дверь за её спиной щёлкнула. Закрылась на ключ.

Мирослава повернулась.

Тамерлан стоял в дверях. Прислонился спиной к двери, сложил руки на груди. Смотрел на неё в упор — тяжело, голодно, как зверь, который нашёл добычу.

— Ты куда убежала? — спросил он хрипло.

— Это не твоё дело, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Выйди.

— А если нет?

Он шагнул к ней. Раз, второй. Она попятилась, ударилась спиной о раковину. Поставила руки перед собой — между ним и собой.

— Твоя девушка ждёт тебя, — сказала она, глядя в его глаза. — Выйди, Тамерлан.

Он остановился на расстоянии выдоха. Смотрел сверху вниз, скользя взглядом по её губам, по шее, по тому, как быстро поднимается и опускается её грудь.

— Похуй, — сказал он. — Я хочу тебя.

Он резко притянул её к себе за талию. Мирослава ударила его в грудь ладонями, но это было бесполезно — он был как стена. Он впился в её губы, грубо, властно, как тогда в машине.

— Нет, — выдохнула она, отталкивая, но её тело предавало её. Она отвечала на поцелуй с той же яростью, с тем же огнём. Её руки вцепились в его рубашку, сжимая ткань.

— Ты хочешь меня, — прошептал он в её губы, отрываясь на секунду. — Не ври.

— Молчи, — прошипела она, притягивая его за шею.

Его руки скользнули по её бёдрам, задирая платье. Ткань поползла вверх, открывая длинные ноги в тонких чулках, которые заканчивались кружевной резинкой. Он провёл пальцами по её бедру, ощущая тепло кожи под кружевом.

— Бельё, — выдохнул он, чуть отстраняясь. — Чёрное кружево. Ты знала, что я приду, да?

— Я ничего не знала, — прошептала она, но её руки уже расстёгивали пуговицы его рубашки, скользя по его груди, по татуировке волка.

Он рванул кружево — тонкая ткань затрещала и сдалась. Она вскрикнула, когда его пальцы коснулись её влажного центра. Он облизнул пальцы, глядя ей в глаза:

— Ты уже мокрая. Ты ждала этого.

— Заткнись, — выдохнула она, притягивая его ближе.

Он расстегнул ремень. Металл звякнул. Ширинка — одним движением. Он приподнял её за бёдра, раздвигая ей ноги шире, чтобы удобнее войти. Она обхватила его ногами, и он почувствовал, как её бёдра сжимают его бока.

Он вошёл в неё одним движением. Резко. Глубоко. Она вцепилась в его плечи, впиваясь ногтями в кожу через рубашку.

— Боже... — выдохнула она, запрокидывая голову.

— Я не бог, — прошептал он, ускоряясь. — Я зек. Но ты хочешь именно меня.

Он двигался жёстко, глубоко, прижимая её к холодной кафельной стене. Каждый толчок отдавался в её теле, заставляя её стонать. Она чувствовала, как её чулки скользят по его джинсам, как её бёдра напрягаются, чтобы принять его глубже.

— Ты кончаешь? — спросил он хрипло.

— Да, — выдохнула она. — Да, пожалуйста...

— Кончи для меня, — приказал он. — Сейчас.

Она кончила с криком, который задушила его плечом. Внутренние мышцы сжали его, и он почувствовал, как она пульсирует вокруг него. Он кончил следом, прижимая её к стене так, что плитка впилась в спину.

Они стояли тяжело дыша. Тишину нарушало только шум воды в соседней кабинке.

Тамерлан вышел из неё. Поправил рубашку. Мирослава медленно сползла по стене, стоя на ватных ногах, поправляя платье.

Она не смотрела на него. Смотрела в пол.

— Нет, — сказала она тихо. — Это неправильно. Не приближайся ко мне больше. Никогда.

Тамерлан замер. Смотрел на неё. На её дрожащие плечи.

— Ты уверена? — спросил он. — По тебе не скажешь, что ты не хочешь.

— И что? — она подняла на него глаза. В них — сталь, боль и отчаяние. — Это ты на меня так виляешь. Я — невеста. Ты — зек. У нас ничего не получится.

Он смотрел на неё долго. Затем медленно поднял руки.

— Окей, — сказал он спокойно. — Больше не прикаснусь.

Он развернулся. Открыл дверь. Вышел, не оглядываясь.

Мирослава осталась одна. Прижалась спиной к холодной стене, обхватив себя руками. Внутри всё дрожало.

«Я идиотка, — думала она. — Я только что оттолкнула его».

Дверь приоткрылась снова. Она вздрогнула.

Но это была Лена.

— Мира, ты чего так долго? — спросила подруга. — Выглядишь... странно.

— Всё нормально, — ответила она, выпрямляясь. — Идём.

Она вышла из уборной и прошла через зал, не глядя по сторонам. Но краем глаза видела — за их столиком, на месте, где сидел Тамерлан, уже никого не было. Только пустой стул и скомканная салфетка.

И смятый чек.

Глава 5

Особняк Князевых сиял огнями. Хрусталь, серебро, свечи. Длинный стол на двадцать персон. Родители Мирославы, родители Князева, сам жених, его сестра, тётушки, дяди. И — Тамерлан.

Мирослава сидела рядом с Князовым — скучным, правильным, надушенным. Он что-то говорил про бизнес, про контракты, про медовый месяц на Мальдивах. Она кивала, улыбалась, но её взгляд всё время падал на противоположный конец стола.

Тамерлан сидел напротив. В дорогом костюме, с зачёсанными назад волосами. Он выглядел как чужой среди этих людей — как волк, которого привели на поводке. И улыбался той своей кривой, наглой улыбкой.

— Милая, — сказал Князов, наклоняясь к ней, — это мой брат. Тамерлан. Он недавно вернулся из... длительной командировки. Мы хотели, чтобы вы познакомились до свадьбы.

Отец Князева поднял бокал:

— Да, Тамерлан — мой сын. Незаконнорожденный, но всё же сын. Мы решили, что он будет на свадьбе. Семья есть семья.

Тамерлан улыбнулся. Посмотрел на Мирославу.

— Очень приятно познакомиться, невеста моего брата.

Она смотрела на него. Сердце колотилось так, что она боялась — все услышат. Он — брат Князева. Сводный. Тот, кого скрывали. Тот, кто сидел в тюрьме. И тот, кто был в ней и не раз.

«Боже... — пронеслось в голове. — Он — брат моего жениха. Он — часть этой семьи. И он знает всё. Знает, как я стонала под ним. Знает, какой я была...»

Внутри всё сжалось. Конечности стали ватными. Она чувствовала, как кровь отливает от лица, как руки начинают дрожать. Она сжала их под столом, чтобы никто не заметил.

— Взаимно, — выдавила она, и голос прозвучал чужим, неестественным.

Отец Князева поднял тост. Тамерлан поднял бокал, но не пил. Смотрел на неё поверх стекла. В его глазах горел чёрный огонь.

Отец Мирославы — видит всё

Борис Петрович, отец Мирославы, сидел во главе стола. Он был бледен. Очень бледен. Его рука сжимала ножку бокала так, что побелели костяшки.

Он узнал Тамерлана.

Тот самый зек, которого он вышвырнул из дома. Тот, кто был в его дочери. Тот, кто хамил ему в лицо. И теперь он сидит за одним столом с Князовыми как член семьи.

Борис Петрович переводил взгляд с Тамерлана на дочь. Видел, как они смотрят друг на друга. Как Мирослава кусает губу. Как Тамерлан играет с вилкой, поглядывая на неё из-под ресниц.

Старик медленно поставил бокал на стол. Его руки дрожали.

— Борис Петрович, вы чего? — спросил отец Князева. — Выпейте за здоровье детей.

— Да, — выдавил Борис Петрович. — За здоровье.

Мирослава подняла глаза на отца. Их взгляды встретились.

Она увидела в его глазах ужас. Узнавание. И понимание.

«Он знает, — поняла она. — Он знает, кто он. Он знает, что мы были...»

Её сердце пропустило удар. Она почувствовала, как пол уходит из-под ног. Пальцы вцепились в край стола, чтобы не упасть.

Отец смотрел на неё. И она видела — он не скажет. Он не сможет. Слишком поздно.

Она опустила глаза. Внутри всё дрожало.

Но он уже понял, что просчитался. Он думал, что Тамерлан — простая ошибка. Что зек уйдёт и забудет. Но он — брат жениха. Он будет на свадьбе. Будет рядом с его дочерью. И теперь Борис Петрович понял, что у него нет выхода. Если он расскажет правду — свадьба сорвется. Если промолчит — дочь будет страдать.

Под столом

Тамерлан смотрел на Мирославу. Она была прекрасна — в белом платье, с распущенными волосами, с серыми глазами, которые метали в него молнии. Он видел, как её грудь вздымается, как она кусает губу, когда его взгляд становится слишком откровенным.

Он опустил руку под стол.

И коснулся её ноги.

Мирослава вздрогнула, как от удара током. Всё тело напряглось. Она почувствовала, как его пальцы скользят по её колену вверх, по бедру, касаясь обнажённой кожи под платьем. Каждое прикосновение отдавалось мурашками по всему телу.

«Он с ума сошёл... — подумала она. — Здесь же все... Отец... Князев...»

Но тело предавало её. Она чувствовала, как внутри разливается жар, как кровь приливает к щекам, как её дыхание становится поверхностным, прерывистым.

— Милая, ты слушаешь? — спросил Князев.

— Да, — выдохнула она, — конечно.

А под столом пальцы Тамерлана уже добрались до её трусиков. Он провёл по кружеву, надавил ровно туда, где она была уже влажной.

Она вцепилась в вилку так, что та чуть согнулась.

— Что-то не так? — удивился Князев.

— Всё отлично, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Тамерлан усмехнулся. Его пальцы двигались медленно, дразняще. Он знал, что делает. Он чувствовал, как она дрожит, как её дыхание сбивается.

— Мира, ты какая-то бледная, — заметила мать Князева. — Не заболела?

— Нет, — выдавила Мирослава. — Просто... жарко.

Под столом Тамерлан нажал сильнее. Её бедра дрогнули. Она закусила губу так сильно, что почувствовала вкус крови.

— Тамерлан, — строго сказал отец Князева, — прекрати играть с вилок и ешь нормально.

— Простите, отец, — ответил Тамерлан с наглой улыбкой. — Я просто... сосредоточен.

Он посмотрел на Мирославу. Прямо в глаза. И его пальцы скользнули внутрь.

Мирослава замерла. Всё тело онемело. Она чувствовала, как он входит в неё пальцами. Медленно. Глубоко. Прямо под носом у её жениха. У его отца. У её отца.

«Боже... — билось в голове. — Я сейчас... я не могу...»

Она закрыла глаза на секунду. Когда открыла — в них стояли слёзы. От стыда. От возбуждения. От того, что она ничего не может с этим сделать. Её руки дрожали. Ноги ослабли.

— Милая, — Князев наклонился к ней, — у тебя глаза блестят. Хочешь выйти?

— Да, — выдохнула она. — Выйти.

Она встала. Тамерлан убрал руку. Его пальцы блестели — она видела это краем глаза.

Мирослава пошла в туалетную комнату. Шатаясь. Сердце колотилось, между ног пульсировало, а в груди — пустота и жар одновременно. Она едва держалась на ногах.

«Я не могу... — билась в голове паническая мысль. — Я не могу вернуться туда. Он сведёт меня с ума...»

Когда она зашла в уборную и закрыла дверь, в зеркале отразилась её растрёпанная, раскрасневшаяся, похотливая сучка, которая хотела только одного — чтобы он продолжил.

Она смотрела на себя и ненавидела. И хотела. И боялась.

Дверь за её спиной щёлкнула. Закрылась на ключ.

— Ты убежала от меня? — спросил голос за спиной.

Она медленно повернулась. Тамерлан стоял, прислонившись к двери. Его глаза горели. Он смотрел на неё, как на добычу.

— Выйди, — прошептала она. — Сейчас же.

— Не могу, — улыбнулся он. — Ты оставила меня с мокрыми пальцами. Я хочу закончить то, что начал.

Он шагнул к ней. Она попятилась. Ударилась спиной о раковину.

— Ты ненормальный, — сказала она.

— Я знаю, — ответил он, нависая над ней. — А ты? Ты — невеста моего брата. И ты только что кончила под столом от моих пальцев.

Она замахнулась, чтобы ударить его. Он перехватил её запястье.

— Не надо, — прошептал он в её губы. — Не надо врать мне. И себе.

Она сдалась. Вцепилась в его плечи. Он прижал её к стене, рванул кружево трусиков и вошёл в неё одним движением.

— Ты моя, — шептал он, двигаясь жёстко, глубоко. — Даже в этом белом платье. Даже за этим столом. Ты — моя.

Она кончила с криком, заглушённым его поцелуем. Он — следом, прижимая её к себе.

Они стояли, тяжело дыша. В тишине уборной слышался только шум воды.

— А теперь выходи, — сказала она, отталкивая его.

— Окей, — он улыбнулся. — Я выйду первым. И буду ждать тебя за столом. Смотреть на тебя. И знать, что под этим платьем — ничего. Только я.

Он вышел.

Мирослава осталась одна. Прижалась спиной к холодной стене. Смотрела на себя в зеркало — растрёпанная, раскрасневшаяся, предательница.

Внутри всё дрожало. Страх, стыд, желание — всё смешалось в один клубок.

«Что я делаю... — подумала она. — Я не могу... Он... он разрушит всё...»

Но она улыбнулась.

И пошла обратно за стол, чувствуя его запах на своей коже.

За столом

Все сидели и ждали её. Князев пододвинул стул.

— Ты долго, — сказал он.

— Извини, — улыбнулась она, садясь.

Тамерлан сидел напротив. Его глаза блеснули. Он поднял бокал.

— За невесту, — сказал он.

Все подняли бокалы. Мирослава пила шампанское и смотрела на него поверх стекла.

— Спасибо, — прошептала она одними губами.

— Пожалуйста, — ответил он. — Это ещё не конец.

Она перевела взгляд на отца. Борис Петрович сидел бледный, сжав кулаки. Их взгляды встретились.

«Я знаю, — говорили его глаза. — Я знаю. Но я ничего не могу сделать».

Она опустила глаза.

Сердце колотилось.

Внутри — страх, стыд, возбуждение и странная надежда.

Глава 6

Он ушёл от неё через балкон.

Ноги сами несли его по тёмному саду, через забор, к машине. Он сел за руль, завёл двигатель, и только тогда позволил себе выдохнуть.

В груди — пустота. И жар. И её запах, который вьелся в кожу.

Он сжал руль так, что побелели костяшки. Её крик, её стоны, её глаза, когда она кончала — всё это пульсировало в его голове, не давая дышать.

«Что я делаю? — думал он. — Я же должен был просто развеяться. Просто трахнуть её и забыть. Почему я не могу забыть?»

Он нажал на газ. Машина рванула в ночь.

Дорога до особняка отца заняла полчаса. Он въехал в ворота, и охранники пропустили его — без улыбки, без приветствия. Просто открыли ворота, как для чужого.

Он вышел из машины. Дверь особняка открылась.

В проёме стояли они — отец, мачеха, брат. Натянутые улыбки. Холодные глаза.

— Тамерлан, — сказал отец, делая шаг вперёд. — Мы рады, что ты вернулся.

— Да, — усмехнулся он. — Вижу. Вы так и светитесь от счастья.

Мачеха скривилась, но промолчала.

Отец отступил, пропуская его в дом.

— Проходи. Ты, наверное, устал. Отдыхай. Чувствуй себя как дома.

Тамерлан прошёл в гостиную. Всё было как прежде — дорого, холодно, бездушно. Он сел в кресло, взял бокал, который ему протянули, и залпом выпил.

«Как дома, — усмехнулся он про себя. — Да я здесь никогда не был дома».

Неделя. Попытка забыть

Он отдыхал. Менял женщин как перчатки — по три в день. Высокие, низкие, блондинки, брюнетки. Он брал их грубо, быстро, без нежности в машине. Он хотел забыть.

Но каждая из них — не она.

Он лежал с очередной блондинкой, смотрел в потолок и чувствовал пустоту. Она целовала его, ласкала, пыталась угодить. А он закрывал глаза и представлял серые глаза. Её губы. Её голос, когда она стонала его имя.

— Ты здесь? — спросила девушка, проводя рукой по его груди.

— Да, — ответил он, даже не посмотрев на неё. — Выйди.

Она ушла, обиженная. Он сел на край кровати, опустив голову.

«Может, это эффект? — думал он. — Первый раз за три года. Просто эффект. Любая бы завела меня так, как она».

Он нашёл девушку. Заплатил. Девственницу. Сказал ей: «Я не хочу слышать твоё имя. Я не хочу слышать твой голос. Просто сделай то, что я скажу».

Она была послушной. Он вошёл в неё, чувствуя, как она дрожит и сжимается вокруг него. Она плакала тихо. Он кончил быстро и без удовольствия.

И снова — не она.

— Уходи, — сказал он, не глядя.

Девушка ушла. Он остался один.

Лёг на кровать. Закрыв глаза. И увидел её.

Её лицо, когда она смотрела на него на остановке. Её улыбка, когда он дерзко притянул её к себе. Её стоны, когда он входил в неё. Её слёзы, когда она сказала: «Я не хочу чтобы это заканчивалось».

— Мирослава, — прошептал он в пустоту.

Кафе. Взрыв

Он увидел её случайно.

Зашёл в кафе, где завтракал каждое утро. Хотел просто выпить кофе и уйти. Но когда он поднял глаза, сердце остановилось.

Она сидела за столиком у окна. Светлые волосы, серые глаза, улыбка. Она что-то говорила подругам, смеялась. Она была прекрасна.

Он сидел за столиком. Рядом — девушка. Он не помнил её имени. Кажется, Аня? Или Лена? Он не запоминал их лиц, их голоса, их имена. Они были просто телами, которые помогали ему забыть.

Девушка что-то щебетала, прижималась к нему, гладила его руку. Он смотрел в окно, не слушая.

И вдруг сердце пропустило удар.

Она. Прошла мимо, и скрылась.

Он замер. Всё внутри перевернулось. Каждая клетка его тела вспомнила её. Её запах. Её вкус. Её стоны. Её глаза, когда она кончала.

Он не помнил, как встал. Не помнил, как оттолкнул девушку, которая пыталась его удержать. Он просто шёл за ней, как замороженный.

Она исчезла в дверях уборной.

Он последовал за ней.

Дверь закрылась на ключ. Он замер на мгновение. А затем — шагнул вперёд.

— Куда ты убежала? — спросил он хрипло.

Она повернулась, ударила спиной о раковину. В её глазах — испуг, гнев, что-то ещё.

Он шагнул к ней. Она попятилась, но не убежала.

— Выйди, — прошептала она.

Он прижал её к стене. Её руки упёрлись ему в грудь, но он был как скала.

— Похуй, — сказал он. — Я хочу тебя. Сейчас.

Он рванул кружево её трусиков, приподнял за бёдра и вошёл в неё.

Она вскрикнула, вцепившись в его плечи.

— Ты — ненормальный, — выдохнула она.

— Да, — ответил он, двигаясь жёстко, глубоко.

Он двигался и чувствовал — тот эффект - это не первый раз за три года. Это она. Её тело. Её голос. Её запах. С ней ему было хорошо. С ней ему было по-настоящему. Не как с куклами, которые ничего не значат. А как с той, которая заставляет его сердце биться быстрее.

Чувствуешь? — он хотел сказать. — Я не могу забыть тебя. Ты во мне. Ты в моей крови. Ты в моём дыхании. Я трахал других, но они не ты. Ты — одна такая.

Но он не сказал, ничего из этого.

Она кончила с криком, который он заглушил поцелуем. Он — следом.

Они стояли, тяжело дыша.

Она оттолкнула его. Поправила платье. Смотрела в пол.

— Нет, — сказала она тихо. — Это неправильно. Не приближайся ко мне больше. Никогда. У нас ничего не получится.

Он смотрел на неё. В его глазах — боль, отчаяние.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, — ответила она, поднимая на него глаза. В них — сталь. — Я — невеста. Ты — зек. У нас ничего не получится.

Он смотрел на неё долго. Затем медленно поднял руки.

— Окей, — сказал он. — Больше не прикаснись.

Он развернулся. Открыл дверь. Вышел.

Он шёл через зал на ватных ногах. Подошёл к своему столику, где его ждала девушка, которую он даже не помнил.

— Чек, — сказал он хрипло, бросив на стол купюры.

Девушка попыталась его задержать:

— Тамерлан, ты куда? Что случилось?

— Не важно, — сказал он. — Я уезжаю.

— Но мы же...

Он взял бокал, который стоял на столе, выпил залпом. Бросил деньги и пошёл к выходу. Даже не сел за стол. Девушка осталась сидеть, открыв рот.

Он вышел из кафе, сел в машину и уехал.

Сердце разрывалось, не понятно от чего.

Две недели. Звонок

Он сидел в своём номере, когда раздался звонок. Отец.

— Тамерлан, — сказал его голос сухо. — Через два дня ужин. Семья невесты твоего брата. Ты поедешь.

— Зачем? — спросил он холодно.

— Ты — брат жениха. Ты должен быть там. Семья есть семья. Как я тебе говорил.

Тамерлан усмехнулся:

— Семья есть семья. Интересно, где была моя семья, когда меня посадили? Где вы были три года?

— Тамерлан, — в голосе отца появились стальные нотки. — Мы будем рады тебя видеть. Приезжай.

Он сбросил звонок. Посмотрел в зеркало.

— Они будут рады меня видеть, — прошептал он и усмехнулся. — Ну да, конечно.

Кабинет. Ссора

На следующий день он приехал в особняк. Подошёл к кабинету отца. Услышал голоса изнутри.

— Ты уверен, что это правильно? — голос мачехи, холодный, ядовитый. — Мы должны показать его на ужине? Что о нас подумают? Сын, который сидел в тюрьме. Незаконнорожденный. Он опозорит нас перед семьёй невесты.

Внутри него поднялся гнев. Тихо. Ядовито. Как змея.

— Он — мой сын! — голос отца жёсткий. — И я не позволю тебе говорить о нём так. Ты забыла он спас от тюрьмы твоего сынка?

— Твой сын? — усмехнулась мачеха. — Да. Он сидел в тюрьме вместо нашего сына. И ты хочешь, чтобы я принимала его как члена семьи? Да и твой второй сын тоже не хочет его видеть там.

Тамерлан замер. В груди — холод. Он знал, что его посадили за чужое преступление, он сам принял решение по просьбе отца. Но слышать это от неё — было всё равно что удар ножом.

— Достаточно, — сказал отец. — Мы решили. Он будет на ужине. И точка.

— Он опозорит нас! — закричала мачеха.

— Замолчи! — отец ударил кулаком по столу так, что стёкла в шкафу задрожали.

Тамерлан услышал этот удар. За дверью. Для него.

Он стоял, сжав кулаки. Внутри — ярость и пустота.

«Они не хотят меня видеть, — понял он. — Они стыдятся меня. Но он заставил их пригласить меня. Хорошо. Я сделаю всё, чтобы испортить этот вечер».

Он развернулся и ушёл. Не заходя в кабинет.

Никто не окликнул его.

Ужин. Взрыв

Он приехал на ужин специально позже. Хотел, чтобы все уже сидели, чтобы его приход был замечен.

Гостиная Князевых сияла огнями. Хрусталь, серебро, свечи. Он вошёл — наглый, красивый, в дорогом костюме. С волком на шее, прикрытым воротником.

Его представили. Кто-то улыбнулся. Кто-то отвернулся.

Он сел за стол. Посмотрел на противоположный конец. Там сидел его сводный брат Князев. Скучный, правильный, надушенный. Рядом с ним — его будущая невеста.

Он увидел её.

И сердце перестало биться.

Она сидела в белом платье. Волосы распущены. Серые глаза улыбались всем вокруг. В руках — букет белых цветов. Она была прекрасна. Как ангел. Как его наваждение. Как его кошмар.

Он смотрел на неё и не мог дышать.

«Это она... — пронеслось в голове. — Она — невеста моего брата... Кто-то там наверху издевается на до мной?!»

Она подняла глаза. Увидела его. И замерла.

Цветы дрогнули в её руках. Глаза расширились. Губы приоткрылись.

Она узнала его. И он увидел в её глазах — ужас, боль, отчаяние.

Брат наклонился к ней:

— Милая, это мой брат. Тамерлан. Он недавно вернулся из... длительной командировки. Мы хотели, чтобы вы познакомились до свадьбы.

Отец Князева поднял бокал:

— Да, Тамерлан — мой сын. Незаконнорожденный, но всё же сын. Мы решили, что он будет на свадьбе. Семья есть семья.

Тамерлан смотрел на неё. Ему хотелось выть. Ему хотелось убить брата. Ему хотелось подойти к ней, взять за руку и увести отсюда.

Он улыбнулся той своей кривой улыбкой.

— Очень приятно познакомиться, невеста моего брата.

Её голос дрогнул, когда она ответила:

— Взаимно.

Он смотрел на неё. И понимал — он испортит этот вечер. Он сделает всё. Или умрёт.

Глава 7

Все сидели за столом. Смех, звон бокалов, запах дорогой еды. Мирослава вернулась на своё место, чувствуя, как его запах всё ещё на её коже. Она села, поправила платье, стараясь не смотреть на Тамерлана.

Но он смотрел на неё. Постоянно. Его взгляд обжигал.

— Мира, ты какая-то рассеянная, — заметил Князев, накладывая ей салат. — Всё в порядке?

— Да, — улыбнулась она. — Просто... много эмоций.

— Понимаю, — кивнул Князев. — Скоро свадьба. Волнуешься?

— Очень, — ответила она, и в её голосе прозвучала такая горечь, что Тамерлан усмехнулся в бокал.

Отец Мирославы сидел как на иголках. Он видел, как Тамерлан смотрит на дочь. Видел, как она краснеет. Видел, как её руки дрожат, когда она подносит бокал к губам.

Старик понимал: он впустил волка в дом. Только теперь этот волк оказался частью семьи Князевых.

И дверь вновь открылась.

— А меня забыли представить! — раздался громкий голос.

Все обернулись.

В дверях стоял молодой мужчина. Накачанный, в кожаной куртке, с татуировками, вылезающими из-под рукавов. Короткая стрижка, шрам над бровью, тяжёлый взгляд.

Он вошёл в зал, окинул всех присутствующих взглядом и усмехнулся.

— Денис? — удивилась Мирослава. — Ты должен был приехать завтра!

— Захотел сегодня, — ответил брат. — Узнал, что тут будет интересная компания.

Он подошёл к столу. Перевёл взгляд на Тамерлана.

— А это кто, мать вашу? — спросил Денис, указывая на него.

Отец Князева прочистил горло:

— Это мой сын. Тамерлан. Он будет на свадьбе.

— Тамерлан? — Денис усмехнулся. — Та-мер-лан.

Он медленно обошёл стол, глядя на зека сверху вниз. Подошёл вплотную.

— Я его знаю, — сказал Денис, и его голос стал стальным. — Мы сидели вместе. В одной камере.

Тамерлан поднял глаза. Спокойно. Без страха.

— Привет, Денис, — сказал он. — Давно не виделись.

— Два года, мразь, — выплюнул Денис. — Два года я ждал, когда увижу твою рожу.

Мирослава вскочила.

— Денис, что происходит?!

Брат не ответил. Он размахнулся и с разворота врезал Тамерлану в челюсть.

Удар был такой силы, что Тамерлан слетел со стула, опрокидывая бокалы. Звон стекла, крики женщин. Князев вскочил.

— КАКОГО ХРЕНА?! — заорал отец Князева.

Тамерлан поднялся. Провёл ладонью по губе — разбита. Кровь текла по подбородку. Но он улыбался.

— Денис, — сказал он, вытирая кровь, — я тоже скучал.

Мирослава рванула к брату:

— Ты что творишь?! Он брат Князева!

— Похуй, — рыкнул Денис. — Этот урод в камере чуть не сломал мне рёбра. Мы враги на всю жизнь. Он сдал меня начальнику, когда я отказался вступать в его группировку.

Тамерлан усмехнулся. Спокойно сел обратно. Поправил пиджак.

— Мы были друзьями, — сказал он, глядя на Дениса снизу вверх. — Пока ты не зассал и не перешёл к начальнику. Я сидел за то, что не дал взятку. А ты — за то, что крысятничал. Запомни это, когда будешь учить меня жизни.

— ЗАТКНИСЬ! — заорал Денис и замахнулся снова.

Отец Князева встал между ними.

— Хватит! Я вас обоих вышвырну, если не успокоитесь! Денис, сядь за стол.

Денис тяжело дышал. Смотрел на Тамерлана с ненавистью. Затем перевёл взгляд на сестру — и увидел, как она смотрит на зека.

С тревогой. С болью. С чем-то ещё, что он не мог определить.

— Мира, — сказал он тихо, — что он здесь делает?

— Он брат Князева, — ответила она. — Я... я не знала.

— Значит, — Денис повернулся к Тамерлану, — ты теперь часть этой семьи, да? Втираешься в доверие?

— Денис, сядь, — повторил отец Князева.

Денис сел. Напротив Тамерлана. Взял бокал, но не пил. Смотрел на врага в упор.

— Я буду следить за тобой, зек, — сказал он. — Если ты подойдёшь к моей сестре... я тебя убью. Не приближайся к ней.

Тамерлан улыбнулся разбитыми губами.

— Уже поздно, — сказал он тихо.

Денис не расслышал. Но Мирослава расслышала. Её сердце ухнуло в пятки.

— Что ты сказал? — спросил Денис.

— Ничего, — ответил Тамерлан, поднимая бокал. — За встречу, дружисе.

Отец Мирославы сидел, сжав кулаки. Он видел всё. Видел кровь на лице Тамерлана. Видел, как дочь смотрит на него. И понимал: это только начало.

— Борис Петрович, — прошептал ему отец Князева. — Что происходит между твоим сыном и моим сыном?

— Не знаю, — соврал Борис Петрович. — Они... сидели вместе.

— Я вижу, что они враги. Это проблема. Один из них брат невесты, второй — брат жениха. Мы не можем допустить скандала.

Борис Петрович кивнул, но внутри у него всё кипело. Он знал правду. Знал, что Тамерлан уже был в его дочери. И теперь он сидит за столом, улыбается, и смотрит на Мирославу так, будто она уже принадлежит ему.

А Денис... Денис не знал. И если узнает — убьёт Тамерлана на месте.

— Денис, — сказал Борис Петрович громко. — Успокойся. Мы все здесь семья.

— Он не семья, — ответил Денис, не сводя глаз с Тамерлана. — Он зек. Он враг. И я не позволю ему быть рядом с моей сестрой.

Тамерлан усмехнулся. Откинулся на спинку стула.

— Твоя сестра уже взрослая девочка, — сказал он. — Она сама решает, кто ей нужен.

— Заткнись, — прошипел Денис.

— Денис! — одёрнула Мирослава. — Прекрати! Ты пришёл на ужин как член семьи. Веди себя соответственно.

Денис сжал зубы. Посмотрел на сестру. Затем медленно перевёл взгляд на Тамерлана.

— Я вижу, как ты на неё смотришь, — сказал он тихо, чтобы слышал только Тамерлан. — Я знаю этот взгляд. В камере ты так смотрел на мои сигареты, когда хотел их украсть.

— Я не крал твои сигареты, — ответил Тамерлан так же тихо. — Я отобрал их у тебя. Потому что ты был слабаком. И ты остался слабаком.

Денис вскочил.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ!

Отец Князева заорал:

— Охрана! Уберите его!

Двое здоровяков схватили Дениса под руки. Он рвался, рыча, глядя на Тамерлана.

— Ты труп, зек! Ты труп! Я найду тебя!

— Не сомневаюсь, — ответил Тамерлан спокойно. — Я буду ждать.

Дениса вывели из зала. Дверь захлопнулась.

Тишина повисла в комнате. Гнетущая, тяжелая.

Мирослава сидела, не поднимая глаз. Она чувствовала, как Тамерлан смотрит на неё. Чувствовала, как отец сжимает бокал. Чувствовала, как Князев рядом с ней — ничего не понимает.

— Извините, — сказал отец Мирославы. — Мой сын... он с характером.

— Да, — ответил отец Князева. — Я заметил.

Тамерлан поднял бокал.

— За мир в семье, — сказал он с улыбкой.

Никто не поддержал тост.

Но он выпил. Один. Глядя на Мирославу поверх стекла. И чуть подмигнул.

Глава 8

Мирослава вскочила, за братом.

— Денис. Подожди.

Она догнала его в коридоре. За дверями было тихо. Только их голоса.

— Что значит «враг»? — спросила она. — Что ты имел в виду, когда сказал «не приближайся»?

Денис посмотрел на неё. Тяжело. Зло.

— А то, что он в тюрьме обещал, — сказал он сквозь зубы. — Обещал, что когда выйдет — найдёт мою сестру и поимеет её. В отместку за то, что я не вступил в его группировку.

Мирослава побледнела. Внутри всё оборвалось.

— Что? — прошептала она.

— Он хотел мне отомстить, Мира. Он это сделал? — Денис сжал её плечи. — Он уже добрался до тебя?

Она не ответила. Только смотрела на брата, а в голове крутилось: «Он искал меня. Он знал, кто я. Он специально остановился у той остановки. Он знал, что я дочь Бориса Петровича. Знал, что я невеста Князева. Знал всё».

— Мира, он тронул тебя? Отвечай!

— Нет, — соврала она. — Ничего не было.

Но Денис не поверил. Он видел, как она побледнела. Как дрожат её руки.

— Не ври мне. Я знаю его. Он никогда не упускает свой шанс.

Она развернулась и пошла обратно в зал.

Она вернулась за стол.

Тишина. Затем отец Князева разрядил обстановку:

— За мир в семье!

Все подняли бокалы. Кроме Мирославы.

Она сидела и смотрела на Тамерлана. Он поднял бокал и выпил один. Глядя на неё поверх стекла. Ухмыляясь.

Через час, дом Мирославы.

Она вышла в сад.

Ночь была тёплой. Звёзды на небе. Качели под старой яблоней.

Мирослава села на них. Обхватила колени руками. Смотрела в пустоту.

В голове — каша. Слова брата. Подмигивание Тамерлана. Его улыбка.

«Он обещал, что найдёт мою сестру и поимеет её».

Она закрыла глаза. Вспомнила ту встречу у остановки. Как он подъехал. Как сказал: «Залезай». Как ответил: «Я зек. Мне нужно».

Тогда ей казалось — это случайность. Судьба. Дерзкий наглый мужчина, который не испугался её отца.

А теперь...

Он знал. Он знал, кто я. Он знал, где я буду. Он знал, что я сбегу от отца. Он специально выбрал эту остановку. Он ждал меня.

Мирослава сжала качели.

Её сердце колотилось. Она вспомнила его руки, его губы, его шёпот: «Ты моя». А теперь понимала — это был расчёт.

Он хотел отомстить брату. И использовал меня для этого. Как дешёвку. Как перчатку.

Слёзы покатались по щекам. Она смахнула их ладонью.

— А я повелась, — прошептала она в пустоту. — Как дура. Сразу. Без усилий.

Она закусила губу до боли.

— У меня нет его номера, — сказала она тихо. — Он не попросил телефон. Не сказал: «Я позвоню». Просто ушёл. Потому что ему не нужно было продолжение. Он получил своё. Отомстил брату. И всё.

Она посмотрела на небо. Звёзды были холодными.

Значит, он знал куда шёл. Знал, что отец не тронет его — потому что брак должен состояться. Он ударил по двум семьям сразу. И по мне... по мне просто прошёлся.

Мирослава закрыла глаза. В груди разрывалась боль.

— Ненавижу, — прошептала она. — Ненавижу тебя, Тамерлан.

И впервые за всю ночь она не хотела его.

Она хотела правды.

Утро. Она нашла его

Мирослава не спала всю ночь. А в шесть утра она взяла телефон и набрала номер Князева.

— Милая? — сонно ответил тот. — Ты чего так рано?

— Дай мне номер твоего брата, — сказала она ровно. — Тамерлана.

— Зачем?

— Хочу познакомиться ближе. Он же мой будущий родственник.

Князев удивился, но продиктовал.

Мирослава набрала номер. Сердце колотилось. Трубку взяли после второго гудка.

— Слушаю, — его голос — хриплый, сонный.

— Это Мирослава, — сказала она холодно. — Мы должны встретиться. Сегодня.

— Ого, — усмехнулся он. — А я думал, ты не позвонишь.

— Встретимся, — повторила она. — Я хочу посмотреть тебе в глаза. И спросить кое-что.

— Где? — спросил он.

Она назвала адрес. Не дом. Старое кафе, где их никто и никогда не найдут.

— Буду, — ответил он.

И отключился.

Мирослава положила телефон. Посмотрела в зеркало — глаза красные, на лице — решимость.

Я узнаю правду. И если он использовал меня... я убью его сама.

Глава 9

Он вышел из особняка Князевых.

Рука была перевязана белым платком, но ткань уже пропиталась кровью. Он разбил стакан на том ужине, когда она вышла за дверь с братом. Стекло впилося в ладонь, но он даже не почувствовал боли. Только холодную ярость.

Он сел в чёрный «Гелендваген». Завёл двигатель. Нажал на газ до пола.

Машина взревела и рванула в ночь. Фары выхватывали из темноты мокрый асфальт, деревья, пустую дорогу. Он летел, не разбирая дороги.

Из динамиков загремело:

— «Не ждите пощады, её не будет... Суки, не ждите пощады, её не будет, нет...»

Он усмехнулся. Правильная песня.

— Это правда жизни, — прошептал он. — Тут выживает только волк.

Подпивая.

Он смотрел на дорогу. Но перед глазами — она. Мирослава.

Она не была виновата. Ни в чём. Она — просто жертва. Жертва, её отца. Сестра его врага. Невеста его сводного брата. И она стонала под ним. Смотрела прямо в глаза и кончала с его именем на губах. Он стал её первым.

Он сжал руль. Кровь сочилась сквозь повязку, оставляя тёмные пятна на кожаной обивке.

— Какого хрена, — прошептал он. — Какого хрена ты так действуешь на меня?

Приют. Шестнадцать лет

Перед глазами всплыло прошлое.

Приют. Грязные стены. Запах казённой еды. Он всегда был один. Никто не хотел брать его — слишком злой, слишком дикий, слишком взрослый для своих лет.

А потом приехал он. Отец.

Высокий, в дорогом костюме. Сказал: «Ты — мой сын. Я заберу тебя. У тебя будет семья. У тебя будет брат».

Тамерлан тогда поверил. Впервые в жизни поверил, что у него есть место под солнцем. Что он сможет дышать полной грудью.

Он переехал в особняк. Познакомился с братом — Князевым. Тот был скучным, правильным, трусливым. Мачеха даже не смотрела на него. Она сразу сказала: «Этот ребёнок — не мой. И никогда не станет моим».

Тамерлану было плевать. Ему не нужна была мать. Ему нужен был отец.

Но отец... отец был занят. Деньги. Бизнес. Встречи. Он давал Тамерлану карманные деньги, покупал дорогие вещи, но не давал главного — времени. Своей души. Своего внимания.

А потом отец пришёл к нему. Сказал:

— Сын. Я должен попросить тебя об одной вещи.

— Какой? — спросил Тамерлан.

— Князев... он попал в историю. Его посадят. Но он не выдержит тюрьмы. Он слабый. Он не знает жизни. А ты сильный. Ты выдержишь. Я устрою, чтобы всё выглядело как надо. Ты сядешь за него. На три года. Я сделаю всё, чтобы ты вышел раньше.

Тамерлан смотрел на отца. В его глазах — надежда. Просьба. Отчаяние.

— Ты просишь меня сесть за чужое? — спросил он.

— Я прошу тебя спасти брата, — ответил отец. — Я дам тебе всё, что ты захочешь. После.

Тамерлан согласился. Потому что это был шанс — доказать отцу, что он достоин. Что он настоящий сын.

Но за три года — ни одного письма. Ни одного звонка. Ни одного посещения. Отец исчез. Князев жил своей жизнью. Мачеха вздохнула с облегчением.

И только Тамерлан сидел на нарах и учился выживать. В прямом смысле.

Тюрьма. Денис

Они встретились в камере. Денис уже сидел там — наглый, уверенный, с тяжёлым взглядом. Он смотрел на Тамерлана свысока, как на щенка.

— Новенький, — сказал он. — Как зовут?

— Тамерлан, — ответил он.

— А я — Денис. Ты кто такой вообще? Почему здесь?

— Не твоё дело, — ответил Тамерлан холодно.

Денис усмехнулся:

— Дурак. Я за себя сел. За свои принципы. А ты — тряпка, раз не говоришь.

— Я не тряпка, — сказал Тамерлан.

— Докажи, — усмехнулся Денис.

Они подрались. Жёстко, грязно, по-тюремному. Денис был сильным, но Тамерлан — злым. Диким. Он выиграл. Чуть не сломал Денису рёбра, но остановился в последний момент.

Денис лежал на полу, хватая ртом воздух.

— Ты... ты кто? — прохрипел он.

Тамерлан наклонился над ним. Кровь капала с его разбитых костяшек.

— Я не тряпка, — сказал он тихо. — Я — волк. Тебе лучше быть в моей группировке, Денис. Иначе я сломаю тебя по-настоящему.

Денис смотрел на него с ненавистью.

— Ты пожалеешь, — прохрипел он. — Когда выйду — я убью тебя.

— Не убьёшь, — усмехнулся Тамерлан. — Ты слабый.

— Я найду твою семью, — прошипел Денис.

— У меня нет семьи, — ответил Тамерлан.

Он наклонился к нему.

Денис усмехнулся сквозь кровь:

— А знаешь что я сделаю первым делом, когда выйду? Я трахну твою сестру. Даю слово пацана. А ты знаешь — я за слово отвечаю.

Денис смотрел на него. Внутри — холодная ярость.

— Я найду твою сестру. И ты будешь знать, что она кричала моё имя. По до мной.

Они смотрели друг на друга с ненавистью.

— Пошёл ты, — прошептал он.

— Я уйду, — ответил Тамерлан. — Но запомни: если ты когда-нибудь встанешь у меня на пути — я тебя уничтожу.

Он развернулся и ушёл.

Денис смотрел ему вслед.

Они стали врагами навсегда.

Дорога.

Тамерлан выехал на трассу. Она была пустой. Только его машина летела в ночи.

Перед глазами — она.

Мирослава. В белом платье. С серыми глазами, которые метали в него молнии. Её губы, когда она шептала: «Продолжай». Её стоны, когда он входил в неё. Её руки, вцепившиеся в его плечи.

— Я хочу тебя, — выдохнул он. — Ты как наркотик.

Он вспомнил, как она раздвинула ноги под столом. Как разрешила ему. Как он вошёл в неё в туалете его брата. В его доме. И она не остановила его. Она хотела этого.

— Ты — моя, — прошептал он. — Я сказал, что ты моя.

Он нажал на газ.

Кровь на руке пульсировала, напоминая о боли. Но он не чувствовал её. Только жар внутри.

И вдруг увидел забор.

Знакомый. Тот самый, за которым она жила. Он не помнил, как приехал сюда. Его тело просто привело его.

Он затормозил. Вышел из машины.

Подожёл к забору. Залез на него. Хотел спрыгнуть.

И замер.

Она сидела на качелях в глубине сада. Светлые волосы развевались на ветру. Она была одна. Смотрела в небо.

Тамерлан замер. Сжал челюсть так, что зубы скрипнули.

Его тело отозвалось мгновенно. Член встал, как только он увидел её. Сердце забилося быстрее. Он не понимал, почему его тело так реагирует на неё. Она — сестра его врага. Невеста его брата. И она смотрит в небо и качается на качелях, как девчонка.

Он вспомнил, как его пальцы скользнули под столом. Как она чуть раздвинула ноги, разрешая ему. Как он вошёл в неё. Как сказал: «Ты — моя».

— Сестра Дениса, — прошептал он. — Мать твою, Дениса. Какого хрена ты его сестра?

Он стоял на заборе, сжимая перевязанную руку. Кровь проступила сквозь ткань, капая на землю. Ветер трепал его волосы.

Она качнулась.

А он не мог сдвинуться с места.

Она была его наваждением. Его проклятием. Его спасением.

Он не знал, что делать.

Она сестра Дениса и невеста брата.

Глава 10

Мирослава не спала всю ночь. Её сердце разрывалось между гневом, обидой и тем, что она не хотела признавать — тоской по нему. Она всё прокручивала в голове слова брата: «Он обещал найти мою сестру и поиметь её».

А наутро, когда уже собралась выйти из дома, чтобы ехать к нему на встречу, её окликнул отец.

— Мирослава! Денис! Зайдите в кабинет!

Она переглянулась с братом. Тот выглядел так, будто тоже не сомкнул глаз. Они вошли. Борис Петрович стоял у окна с бокалом коньяка. Рядом с ним сидел отец Князева.

— Садитесь, — сказал Борис Петрович.

Они сели. В комнате повисла напряжённая тишина.

— Мы с Князовым решили, — начал отец, — что вы должны поладить. Ты, Денис, и Тамерлан. Мы теперь родня. И нам не нужна вражда между вами.

— Папа, зачем это? — спросила Мирослава, чувствуя, как сердце начинает колотиться.

Борис Петрович отпил коньяк и посмотрел на сына:

— Вы отправитесь в загородный коттедж на несколько дней. Ты, Мирослава, Князов, Тамерлан и Денис. Молодёжь познакомится поближе. А давние враги — сядут друг напротив друга и разберутся. Теперь вы одна семья. — сказал отец с нажимом.

Денис вскочил:

— Отец, я не выношу этого человека под одной крышей! Я убью его или он меня!

— Вот там и решите свои проблемы, — спокойно ответил Борис Петрович. — Всё. Выезд через два часа. Не спорьте.

Денис сжал кулаки, но промолчал. Мирослава смотрела на отца — и видела в его глазах что-то другое. Он знал. Знал про Тамерлана и неё. И он отправлял их всех вместе. Зачем? Она не могла понять.

— Хорошо, папа, — сказала она тихо.

Борис Петрович удивлённо посмотрел на неё, но кивнул.

Мирослава вышла из кабинета. Ей нужно было ехать к Тамерлану. На встречу, которую она сама назначила. Но теперь всё усложнилось.

Она села в машину и набрала его номер. Трубку взяли после первого гудка.

— Слушай, — сказала она. — Встречаемся. Но быстро. У меня мало времени.

— Я уже на месте, — ответил он. — Жду.

Она нажала на газ. Машина рванула с места.

Кафе.

Она вошла в маленькое кафе на окраине города. Пустой зал, только он — за столиком у окна. Пьёт кофе. Спокойный. Наглый. Как будто ничего не случилось.

Мирослава подошла. Села напротив. Не снимая пальто. Руки сжаты в кулаки.

— Ты меня использовал, чтобы отомстить брату? — спросила она прямо. Без предисловий.

Тамерлан усмехнулся. Отставил чашку.

— Это Денис тебе сказал?

— Да! — выкрикнула она. — Ты ведь обещал в тюрьме, разве нет?

— Послушай, Мирослава... — начал он.

— Да или нет?! — перебила она.

— Мирослава...

— ДА ИЛИ НЕТ, ТАМЕРЛАН?! — она почти кричала. Её голос дрожал от ярости.

Он сжал челюсть. Провёл рукой по лицу. Выдохнул.

— Да... — тихо сказал он. — Да, мать твою, я обещал. Но я не знал, кто ты. Это совпадение.

— Совпадение? — переспросила она, и в голосе звенела сталь. — Ты, не смотря на то, что я сестра Дениса и будущая жена твоего брата, пусть и сводного, поимел меня и хочешь ещё. Это что, если не использование меня? Как это называется, а?! Ответь!

Она вскочила. Ткнула пальцем ему в грудь.

— Или ты хочешь сказать: «Забей на всех, выходи за меня, а не за моего брата»? Хочешь сказать, что это месть? Или любовь?!

Тамерлан смотрел на неё. Не оправдывался. Не говорил: «Да, будь со мной». Просто сидел и слушал.

Она замолчала. Посмотрела ему в глаза. Долго.

— Сделай что хочешь, — сказала она вдруг устало, — но пусть отменяют эту поездку. Я не хочу видеть твоё лицо.

Она развернулась, чтобы уйти. Но остановилась.

— Не смей даже говорить со мной, понял? Увидишь на улице — пройди мимо. Ты для меня никто.

Она вышла. Хлопнула дверью.

Через два часа. Коттедж

Мирослава сидела в машине, когда они подъезжали к коттеджу. Она уже знала: поездка не отменилась. Она звонила отцу, умоляла, но тот был непреклонен.

— Ты должна быть там, дочка. Это семейная встреча перед свадьбой.

Она ненавидела это слово — «должна».

Она вышла из машины. У входа стояли две машины. Князев уже был там, он подошёл к ней:

— Милая, как я рад!

Он поцеловал её в щёку. Она улыбнулась дежурной улыбкой и прошла в дом.

И тут она увидела их.

Из другой машины выходили трое. Тамерлан. С ним — девушка. Высокая, яркая, с рыжими волосами. Она смеялась, лезла к нему под руку, прижималась, как будто он принадлежал ей. И рядом — кузина Князева. Миловидная блондинка, которая тут же подбежала к князеву и повисла у него на шее.

— Мы здесь, — сказала она весело. — Веселье начинается!

Мирослава замерла. Смотрела, как Тамерлан идёт к дому. С рыжей. Как он улыбается ей, что-то говорит. Как его рука лежит на её плече.

Внутри всё рухнуло.

Она не хотела этого. Она не хотела ревновать. Но ядовитое чувство уже ползло из груди.

Она стиснула зубы.

— Идиот, — прошептала она под нос. — Идиот, который привёз сюда эту... рыжую. Чтобы сделать мне больно.

Тамерлан подошёл к крыльцу, увидел её. И его улыбка исчезла. На секунду. Но он быстро взял себя в руки и пошёл дальше, делая вид, что не замечает.

Мирослава сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Она прошла в дом. Все расселись в гостиной. Князев рядом с ней. Рыжая — рядом с Тамерланом. Денис стоял в углу и сверлил врага взглядом.

— Знакомьтесь, — сказал Князев. — Это Настя, моя кузина. А это Ольга, подруга Тамерлана.

— Очень приятно, — пропела Ольга, прижимаясь к Тамерлану. — Он такой заботливый, привёз меня сюда. Я думала, я скучать буду, а он сказал: «Едем». И я поехала.

Мирослава смотрела на неё. На её руки на плече Тамерлана. На его лицо, которое ничего не выражало.

Он специально привёз её. Чтобы показать мне, что я не нужна. Или... чтобы я поняла, что он — свободен.

Ольга поймала взгляд Мирославы и усмехнулась:

— Тамерлан много про вас рассказывал. Сказал, что вы будете его родственницей. Так что мы теперь почти семья.

— Почти, — ледяным голосом ответила Мирослава.

В комнате повисла тишина.

Денис шагнул вперёд:

— Кто эта девушка?

— Это моя подруга, — ответил Тамерлан спокойно. — Мы встречаемся.

— Встречаетесь? — переспросил Денис. — Ты привёз свою девушку на семейный ужин твоего брата и его невесты?

— А что, нельзя? — ухмыльнулся Тамерлан. — Теперь мы родственники. Все должны познакомиться.

Мирослава поднялась.

— Я в сад, — сказала она. — Мне нужен воздух.

Она вышла. Села на качели. Обхватила колени руками.

Из дома донёсся звонкий смех Ольги. А затем — грубый голос Дениса:

— Если ты думаешь, что я позволю тебе приблизиться к моей сестре, ты ошибаешься!

— Денис, — холодно ответил Тамерлан, — Я... Я просто живу своей жизнью.

Мирослава закрыла глаза.

Она ненавидела его. Ненавидела его рыжую подругу. Ненавидела эту поездку.

Но больше всего она ненавидела то, что внутри неё — ревность, которая разрывала её изнутри.

«Зачем ты привёз её? — думала она. — Чтобы сделать мне больно? Чтобы я поняла, что для тебя ничего не значу?»

Тишину нарушил звук шагов.

Она открыла глаза.

Тамерлан стоял рядом. Смотрел на неё сверху вниз.

— Ты чего ушла? — спросил он тихо.

— Я сказала тебе: не подходи, — ответила она ледяным голосом. — Иди к своей рыжей.

— А она тебя зацепила? — в его голосе появилась усмешка.

— Пошёл вон, — прошептала она, глядя в пустоту.

Он постоял мгновение, развернулся и ушёл.

Мирослава выдохнула и крепче сжала колени.

Глава 11

Вечер у костра

Они сидели на веранде. Большой деревянный стол, свечи в стеклянных фонарях, пледы на плечах. Запах вечернего сада, сырость и лёгкий холодок.

Денис разлил вино. Князев, на удивление, был в хорошем настроении. Кузина Князева — Настя — сидела рядом с ним, поправляя свои светлые локоны. Ольга, подруга Тамерлана, прижималась к нему и игриво постукивала его пальцем по плечу.

— Скучно как-то, — протянула Ольга, оглядывая всех. — Мы тут сидим как на светском приёме. А где движуха?

Она вдруг оживилась, нагнулась и достала из-под скамьи гитару.

— Смотрите, что я нашла! Кто-то умеет играть?

Все переглянулись. Тишина.

— Может, Тамерлан? — она ткнула его в плечо. — Ты умеешь?

— Нет, — коротко ответил он, отпивая вино. — Не умею.

— Жалко, — надула губы Ольга. — Скучно...

И тут Денис, который до этого молчал, вдруг усмехнулся:

— Мирослава умеет. Хорошо играет. И поёт.

Мирослава подняла на брата глаза. В них читалось: «Ты что, молчать не мог?»

— Да ладно? — Ольга подалась вперёд, заинтересованно глядя на Мирославу. — Спой нам! Пожалуйста!

— Правда? — оживилась Настя. — Я тоже хочу послушать!

Мирослава покачала головой:

— Нет... у меня голос не очень. Не получится.

— Милая, — мягко сказал Князев, — я тоже хочу послушать. Ты никогда мне не пела. Да и не говорила что поешь.

— Серьёзно, Мира, — поддержал Денис. — Ты же классно поёшь. Давай, разгони тоску.

Все смотрели на неё. Даже Тамерлан. Он молчал, держа бокал, но его глаза впились в неё. Она чувствовала его взгляд на себе — тяжёлый, жадный.

Она перевела взгляд с него на Ольгу, на брата, на Князева, на Настю. Вдохнула.

— Ладно, — сказала она. — Но если что — вы сами напросились.

Она взяла гитару. Пальцы пробежали по струнам, пробуя. Настроила. И начала.

Голос был тихим, мягким, с лёгкой хрипотцой. Он шёл откуда-то из глубины, будто она пела не для них, а для себя.

Но ты ушёл и забрал свет,

Оставил лишь вопрос — зачем.

Я думала, что знаю всё,

А оказалось — ничего.

Ты обещал мне небеса,

А показал лишь леса.

И там, где я искала свет,

Нашла лишь преданный ответ.

Скажи мне, кто мы? Враг или друг?

Зачем нам этот замкнутый круг?

Ты помнишь, как всё началось?

Я помню. Мне не спалось.

Она замолчала. Последние аккорды растворились в вечерней тишине.

Никто не шевелился. Князев смотрел на неё с удивлением. Денис — с гордостью. Настя — с восхищением. Ольга — с кислой миной, понимая, что она не умеет так.

А Тамерлан... он просто смотрел. Без улыбки. Без насмешки. Глаза — тяжёлые, почти чёрные. Его рука сжала бокал так, что побелели пальцы.

— Охренеть, — выдохнул Денис. — Сестрёнка, ты что, зачем такую грустную?

— Просто устала, — тихо ответила она, откладывая гитару. — Извините, если слишком грустно.

— Нет, — сказал Князев. — Очень красиво.

— Да, — вдруг вставил Тамерлан. Его голос был хриплым. — Очень.

Мирослава подняла на него глаза. Их взгляды встретились. Она почувствовала, как внутри всё дрогнуло.

Но тут Ольга захлопала в ладоши:

— Ой, класс! Теперь давайте в игру! Я знаю одну! «Правда или действие». Как раз для скучного вечера!

Настя обрадовалась:

— О, я люблю эту игру! Только давайте по-честному!

Денис усмехнулся:

— И что, ты готова раздеваться?

— А ты боишься? — подмигнула Ольга.

— Не боюсь, — ответил он. — Давай.

Князев поморщился:

— Это глупо.

— Ой, не будь занудой, — отмахнулась Ольга. — Мира, ты как? Сыграешь?

Мирослава вздохнула. Посмотрела на Тамерлана. Он сидел и ждал её ответа.

— Давай, — сказала она. — Почему нет.

Ольга подняла бокал:

— Тогда правила: правда — говоришь честно. Действие — выполняешь. И без обид!

Все кивнули.

— Начинаем, — сказала Ольга, оглядывая всех. — Спрашиваю у... Мирославы. Правда или действие?

— Правда, — ответила она.

— Твой самый пошлый секрет, — ухмыльнулась Ольга. — Прямо сейчас.

Мирослава усмехнулась, отпила вина.

— Я однажды, будучи пьяной, сказала парню, что он лучший за всю мою жизнь. А утром не помнила, как его зовут. А он сказал, что у нас ничего не было.

Князев засмеялся:

— Ты? Пьяная? Не верю.

— Было дело, — усмехнулась она. — Даже не помню лица. Но он был... впечатляющим.

Она поймала взгляд Тамерлана и быстро отвела глаза.

Настя засмеялась:

— Ну ты даёшь, Мира!

— Ладно, — сказал Денис. — Теперь моя очередь. Ольга, правда или действие?

— Действие, — ответила она.

— Поцелуй Тамерлана. В губы. Как следует.

Ольга усмехнулась. Повернулась к Тамерлану. Тот нахмурился, но она уже впиалась в его губы. Долго. Медленно. С языком.

Мирослава сжала бокал так, что он чуть не треснул. Она смотрела, как его рука лежит на плече Ольги. Как он не отталкивает её. Как они целуются на глазах у всех.

Она смотрела на это и чувствовала, как внутри поднимается ярость.

Ольга оторвалась с довольной улыбкой:

— Вот так!

— Ну и пошлость, — фыркнул Денис, но усмехнулся.

— Моя очередь, — сказал Тамерлан, вытирая губы. — Денис. Правда или действие?

— Действие, — ответил Денис, чувствуя себя смелым.

— Иди постой у забора и обними его. Скажи, что любишь его.

Все засмеялись. Денис поморщился, но пошёл к забору. Обнял его, как старого друга:

— Люблю тебя, бетонный... ты...

Он вернулся, все смеялись.

— Теперь я, — сказала Мирослава. — Настя. Правда или действие?

— Правда, — ответила кузина.

— Кто тебе нравится из присутствующих? Честно.

Настя покраснела. Посмотрела на Князева, потом на Дениса, потом на Тамерлана.

— Ну... Денис, — призналась она.

— Ого! — удивился Денис. — А я думал, я тебе не нравлюсь.

— Ты просто не подходил ко мне, — ответила она с улыбкой.

— Тогда целуй его, — сказала Ольга. — Если правда.

Настя встала, подошла к Денису и поцеловала его. Коротко, в щёку.

— Трусиха, — усмехнулся Денис.

— Не трусиха, — ответила она. — Просто я это... при других.

— А теперь я спрашиваю Тамерлана, — сказала Мирослава. — Правда или действие?

— Действие, — ответил он, глядя на неё.

— Поцелуй человека, которого ты ненавидишь.

Все замерли.

Тамерлан усмехнулся. Посмотрел на Дениса. Встал, подошёл к нему, наклонившись чмокнул его в лоб. Коротко, с нажимом.

— Друг мой, — сказал он, вытирая губы. — Спасибо, что напомнил.

Денис поморщился, но не оттолкнул.

— Идиот, — сказал он. — Ты ещё в тюрьме был идиотом.

— Я знаю, — ответил Тамерлан.

— А теперь, — сказала Ольга, — правда. Мирослава. Ты бы вышла замуж за человека, который был твоим врагом?

Тишина.

Мирослава медленно отпила вино. Посмотрела на Тамерлана. Он смотрел на неё.

— Зависит от того, что я чувствую, — ответила она. — Любовь не выбирает, Ольга. Она либо есть, либо её нет.

Тамерлан опустил глаза. Ольга прикусила губу.

— Интересно, — сказала она.

— Ладно, — сказала Мирослава, устало откидываясь на спинку стула. — Моя очередь.

Ольга. Ты правда подруга Тамерлана?

Ольга замаялась на секунду:

— Э... конечно.

— Или ты его девушка?

— Это как посмотреть, — ухмыльнулась Ольга. — Теперь я спрашиваю тебя.

— Действие, — сказала Мира вдруг, глядя на неё.

— Поцелуй Князева. Как следует. Чтобы я поверила, что у вас любовь.

Мирослава посмотрела на Князева. Он улыбался. Она медленно подошла к нему. Поцеловала. Горячо, долго, стараясь не смотреть на Тамерлана. Но она чувствовала его взгляд. Он

жѐг её. Князев обнял её за талию, и поцелуй стал глубже. Она сама уже не понимала — играет ли она или просто хочет сделать больно Тамерлану.

Ольга захлопала:

— Вот это я понимаю! Вот это страсть!

Мирослава оторвалась и вернулась на своё место.

— Теперь моя очередь, — сказал Тамерлан. — Мирослава.

Она повернулась к нему.

— Правда или действие?

— Действие, — ответила она, вызывающе глядя на него.

— Танцуй со мной.

— Здесь нет музыки, — сказала она.

— Тишина — тоже музыка, — ответил он и потянул её к себе.

Она не сопротивлялась. Встала. Он взял её за руку. Она положила руку ему на плечо.

Они начали медленно двигаться в тишине, под звёздами, на глазах у всех.

— Ты чего добиваешься? — шепнула она, когда они отдалялись от стола.

— Чтобы ты поняла: я никуда не уйду.

Глава 12

Все разошлись по комнатам. Смех, шум, звон бокалов — всё стихло. Дом погрузился в тишину, нарушаемую только сверчками за окнами.

Мирослава не могла спать.

Она лежала на кровати, смотрела в потолок, а перед глазами стояла Ольга, которая целовала Тамерлана. И он не отталкивал её. И его руки были на её плечах.

«Идиотка, — думала она о себе. — Ты сама сказала ему — пройди мимо. Ты сама оттолкнула его. Что ты хотела? Чтобы он бросился за тобой? Чтобы он не смотрел на других?»

Она села на кровати. Взяла телефон. Ноль сообщений от него.

— Ну и пошёл ты, — прошептала она.

Но внутри всё горело. Она скинула пижамные шорты, надела купальник, сверху накинула лёгкий шёлковый халат.

И вышла в сад.

Ночь была тёплой. Луна заливала всё серебряным светом. Бассейн переливался, мерцал. Тишина. Идеально.

Она скинула халат и нырнула.

Вода обожгла холодом — и принесла облегчение. Она плыла, чувствуя, как уходит напряжение. Грудь сжалась от свежести. Вода гладила её тело, успокаивала.

Она вынырнула, откинула волосы, провела руками по лицу.

И открыла глаза.

Он стоял на бортике.

Без футболки. В одних шортах. Татуировка волка на шее блестела в лунном свете. Он просто стоял и смотрел на неё. Как зверь. Как хищник.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ищу тишину, — ответил он хрипло. — И нашёл тебя.

Он не спрашивал разрешения. Он разделся — медленно, снимая шорты, не сводя с неё глаз. И залез в воду.

— Уйди, — сказала она, но голос дрогнул.

— Нет, — ответил он, подплывая. — Я устал убегать.

Он притянул её к себе. Его руки легли на её талию — жёстко, властно.

— Ты сама пришла сюда, — прошептал он в её губы. — Сама. Зная, что я тут буду.

— Я не знала, — выдохнула она.

— Знала, — усмехнулся он. — Ты хотела, чтобы я пришёл.

Она оттолкнула его:

— Ты со мной нечестен. Ты привёз сюда эту рыжую. Целовался с ней у всех на глазах.

— А ты целовалась с моим братом, — ответил он, прижимая её к бортику. — И я смотрел на это. И хотел убить его.

— Ты не имеешь права ревновать, — прошептала она. — Ты сам сказал — мы никто друг другу.

Он прижался к ней всем телом. Холодный кафель бортика впился в спину. Он взял её лицо в ладони, заставляя смотреть ему в глаза.

— Твоя песня свела меня с ума, — сказал он хрипло. — Ты пела о предательстве. О том, кто ушёл. Ты пела обо мне. И я понял: я не могу. Не могу уйти. Не могу забыть. Ты в моей крови, Мирослава.

Она смотрела на него. В его глазах горел чёрный огонь.

— Ты хочешь отменить свадьбу? — спросила она. — Скажи мне. Ты хочешь, чтобы я не выходила за твоего брата?

Он молчал. Просто смотрел на неё. Его пальцы гладили её щёку, спускались к шее.

— Ответь мне, — прошептала она.

Он не ответил. Он поцеловал её.

Жадно. Голодно. С языком. Пальцы скользнули с её шеи на грудь, сжали её. Она всхлинула в поцелуй и притянула его к себе, впиваясь ногтями в его плечи.

Но резко оттолкнула.

— Нет, — сказала она, тяжело дыша. — Нет. Ты снова молчишь. Ты снова не отвечаешь. Я не игрушка, Тамерлан. Я не буду ждать, пока ты решишь.

Она выскользнула из его рук и быстро вылезла из бассейна. Схватила халат, накинула на себя. Мокрая, злая, дрожащая.

— Мирослава... — начал он.

— Не надо, — перебила она. — Ты ответил мне молчанием. Иди к своей рыжей.

Она развернулась и пошла в дом. Он остался в бассейне, глядя ей вслед.

Крики. Шум.

Мирослава зашла в дом, вытирая мокрые волосы. И услышала звуки.

Крики. Мат. Грохот.

Она побежала на звук. Сердце колотилось так, что разрывало грудь.

Она влетела в гостиную.

Князев лежал на полу. Полуголый. В одних трусах. Его лицо было разбито, из носа текла кровь. Над ним стоял Денис — взбешённый, с кулаками, в которых ещё дымилась ярость.

Рядом — Ольга. Укутанная в простыню, бледная, с испуганными глазами.

— Ты мразь! — заорал Денис, нанося удар. — Решил, что будешь изменять моей сестре?! Ты, урод, пока она там спит, ты тут со шлюхой?!

— Денис, хватит! — закричала Мирослава.

Но Денис не остановился. Он замахнулся снова.

И в этот момент между ними встал Тамерлан.

Он подбежал, перехватил кулак её брата на лету. Схватил его за запястье, сжал.

— Остынь, — сказал Тамерлан жёстко. — Хватит.

— Ты ещё лезешь?! — заорал Денис, пытаясь вырваться. — Ты не защищай этого мудака! Он изменял моей сестре! Моей! С твоей же шлюхой!

Он вырвал руку и ткнул пальцем в грудь Тамерлана.

— Если не можешь контролировать своих шлюх — не привози их с собой! Понял?! Это ты во всём виноват! Если бы ты не привёз эту суку, он бы не трахал её в моём доме! Под носом у моей сестры!

Тамерлан стоял спокойно. Его глаза были холодными, как лёд.

— Остынь, Денис, — повторил он. — Ты уже сломал ему нос. Достаточно.

— Достаточно?! — Денис плюнул на пол. Посмотрел на Князева, который корчился на полу, закрывая лицо руками. — Собирай вещи, сестра! Мы уезжаем! Сейчас же!

Мирослава смотрела на всё это. На Князева в крови. На Ольгу в простыне. На Дениса, дрожащего от злости. И на Тамерлана, который стоял, как стена, глядя на неё.

Она перевела взгляд на Князева:

— Ты... — прошептала она.

— Мира, я... — начал он.

— Не говори ничего, — перебила она. — Не сейчас.

Глава 13

Денис стоял над Князовым. Тот лежал на полу, разбитый, в крови, в одних трусах. Рядом — Ольга, укутанная в простыню, дрожащая.

— Собирай вещи, сестра! Мы уезжаем! — заорал Денис.

Мирослава смотрела на брата, на Князова, на Ольгу. Внутри всё рухнуло.

— Я сейчас, — сказала она тихо и пошла наверх.

Тамерлан стоял в стороне. Молчал. Смотрел на неё.

Все разбежались по комнатам.

Через десять минут Мирослава спустилась с сумкой в руках. Денис ждал у двери. Она подошла к нему, бросила взгляд на Тамерлана. Он стоял у окна, смотрел на неё. Ни слова.

— Пошли, — сказал Денис и открыл дверь.

Они вышли на крыльцо. Ночной воздух — холодный, влажный. Луна пряталась за тучами.

— Денис! — раздался голос сзади.

Мира обернулась. Из дома выбежала Настя — кузина Князова. Светлые волосы развевались по ветру. Она догнала их у калитки и схватила Дениса за руку.

— Пожалуйста, не уезжайте! — сказала она. — Не в гневе! Всё можно решить, Денис...

Денис резко отдернул руку, не поняв, кто его коснулся. Он развернулся — грубый, злой, готовый оттолкнуть любого. Но увидел её лицо.

Взгляд сменился мгновенно. Гнев — на удивление.

— Ты? — спросил он.

— Я, — ответила она. — Пожалуйста...

В этот момент из дома вышел Тамерлан. Увидел, как Денис смотрит на Настю, как та держится за его руку. Он шагнул вперёд, становясь между ними.

— Всё в порядке, — сказал он Денису. — Она просто...

Но Денис уже пришёл в себя. Он перевёл взгляд с Насти на Тамерлана и сжал зубы.

— Ты чего лезешь? — спросил он.

Тамерлан шагнул к нему, глядя в глаза.

— Она не при чём. Отпусти её.

Денис усмехнулся:

— Ты защищаешь её? Она — кузина твоего брата. Тебе какое дело?

Настя стояла между ними, растерянная, не понимающая, что происходит.

В этот момент подошла Мирослава. Она увидела, как они стоят друг напротив друга — Денис и Тамерлан, как Настя зажата между ними. Она шагнула вперёд, вставая между братом и Тамерланом.

— Хватит, — сказала она. — Вы оба. Мы уезжаем. Просто уезжаем.

Денис не слушал. Он взял Настю за локоть и увёл за свою спину, прикрывая её плечом.

— Стой там, — сказал он ей жёстко.

Тамерлан смотрел на Дениса, на его руку на локте Насти. Внутри закипала ярость. Он шагнул ближе, глядя в глаза Дениса.

— Ты вообще понимаешь, что ты делаешь? — спросил он.

— А ты? — ответил Денис, не отводя взгляда. — Ты кто такой, чтобы меня учить?

Они стояли друг напротив друга, быковали, сжимая кулаки. Воздух между ними искрился от напряжения.

И вдруг — выстрелы.

Первый. Второй.

Грохот разорвал ночь.

Пули впились в стену дома, совсем рядом. Крики. Визг.

— ЛОЖИСЬ! — заорал Тамерлан.

Он рванул Мирославу к себе, прикрывая её своим телом. Она упала на него, вжавшись в землю. Его руки сомкнулись вокруг неё, прижимая к себе.

— Не двигайся! — прошептал он. — Не поднимай голову!

Денис в тот же миг схватил Настю, закрыв её собой. Они упали в сторону, за угол дома.

— МАТЬ ТВОЮ, КТО ЭТО?! — закричал Денис.

Ещё выстрелы. Пули взрывали землю рядом с ними.

— НЕ ВИЖУ! — крикнул Тамерлан, прижимая Мирославу к земле. — ОНИ НА ВХОДЕ!

Из темноты раздался голос:

— ДЕНИС! МЫ ПРИШЛИ ЗА ТОБОЙ, УРОД! ТЫ ДУМАЛ, ЧТО УЙДЁШЬ ОТ НАС?!

Денис усмехнулся сквозь злость:

— Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЗНАТЬ! — крикнул он. — ОНИ ВСЁ ЕЩЁ ОХОТЯТСЯ ЗА МНОЙ!

Мирослава дрожала под Тамерланом. Он чувствовал её страх, её дыхание.

— Всё будет хорошо, — прошептал он ей в ухо. — Я не дам тебя в обиду.

Она посмотрела на него. В её глазах — ужас и что-то ещё.

— Почему они стреляют? — спросила она.

— Я не знаю, — ответил он. — Но ты будешь в безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.